Она не видит почти ничего, эта женщина. Очки-лупы: мутные стекла толщиной в ладонь с круглой прозрачной воронкой линзы. И даже в них она шарит руками по тумбочке у кровати в поисках спиц. Хирург говорит, у нее минус двадцать пять.

Мы лежим на соседних койках в больничной палате, нас готовят к операции. До встречи с Верой я думала, что у меня сильная близорукость – думала, у меня трагедия.

В школе я сижу за первой партой и все равно щурюсь, прижимаю очки к переносице, развожу пальцами кожу у глаз, как китаец, чтобы навести резкость на доску. Я не могу играть в футбол на физкультуре и заниматься прочим спортом. В жару очки соскальзывают от пота, стекла пачкаются, а зимой запотевают при входе в помещение – в метро или троллейбус. Без очков же все погружается в белесый туман, люди превращаются в разноцветные пятна с размытыми краями. Детали предметов или буквы на бумаге возникают в моем мире на расстоянии полусогнутой руки. Девочки смотрят на меня с сочувствием, мальчики спрашивают, не мешают ли очки целоваться. Я, стыдно признаться, еще не целовалась. Причина наверняка они, очки: у ровесниц в пятнадцать лет личная жизнь складывается удачнее.

В больнице мои минус восемь оказались не худшей долей.

Вера на ощупь вяжет сложные конструкции типа носков, носит байковый халат в цветах и прическу каре, закалывая челку гребнем. Вера делает все, что делают старухи. Однако из-под халата проглядывает гладкокожее тело с тугой грудью. Ноги с тонкими лодыжками находят тапочки изящным аристократичным движением. Волосы у Веры пепельно-русые, пушистые и мягкие. Следуя привычному пути в столовую, Вера иногда забывает, что слепа: ее походка становится легкой, бедра покачиваются. Вере около сорока – как моей маме. Но зачем-то ей хочется быть старше. Вера – красивая, статная женщина. Красивая женщина, закрытая в панцирь.

В столовой пахнет разваренным рисом и молоком, тетки с кухни гремят железными чанами с красными инвентарными пометками: римскими цифрами, начертанными масляной краской. За окном нет жизни, кроме наших отражений; лысеющие ветки деревьев качаются от февральского резкого ветра; время стоит. Мы с Верой доедаем свой ужин под болезненно белым электрическим светом. Сероватый хлеб с маслом, чай с сахаром. Ни я, ни Вера не увлекаемся едой, мы скорее заставляем себя есть. Поход в столовую – нехитрое развлечение заключенных в больнице.

Больница все расставляет на свои места. Ты оказываешься в коридоре реальности, где время тягу-

чее, как жвачка. Люди, которые были твоими товарищами, становятся недоступны и забывают про тебя.

Меня навещает только мама.

Это хорошо. Выгляжу я не то чтобы здорово. Мне отрезали ресницы. Меня готовят к склеропластике. Каждый день по часам закапывают в глаза. Мама приходит с трех до пяти, в часы посещений, водит меня под руку по коридору. Приносит шоколадки и фрукты – практика показывает, что ем я только это. Я спрашиваю, не звонил ли кто-нибудь из моих одноклассников. Нет.

Мы с мамой живем вдвоем в старинной квартире в центре. Старинная – значит, у нас мусоропровод прямо на кухне, а потолки четыре метра. Из моей комнаты вид на Москву-реку. Мама раньше преподавала, а после развода неожиданно бросила университет и занялась бизнесом. С тех пор дома она появляется только ночью. Пьет вино одна на кухне. Разговаривать со мной у нее нет сил – да я и не прошу. К нам приходит домработница, она кормит меня, когда я возвращаюсь из школы. Делает сельдь под шубой, винегрет и другую гадость. Я не люблю такое, но молча ем.

Мама почти не работает, с тех пор как я в больнице. Взяла что-то типа отпуска. Но вряд ли начала готовить. Где мама и где плита? Мама сильно нервничает из-за моей болезни. Говорят, минус восемь в пятнадцать лет – много. И процесс продолжается, как с горки колесо.

Близких друзей в школе у меня не завелось. Врагов, правда, тоже. Спортом я не могу заниматься из-за зрения. Время уходит на книги – они, правда, интереснее всех знакомых мне людей. Домашняя библиотека сохранилась с маминой университетской жизни: чего я там только не находила! Мама ругается, когда видит меня с книгой, она думает, что зрение падает, потому что я читаю в темноте.

Сейчас я не могу читать: в больнице даже лампы над кроватью нет! Да и глаза каждый день закапаны. Одноклассницы не навещают меня. Мой единственный друг – Вера.

* * *

Слепнуть я начала в третьем классе. Родители как раз разводились, и маме было не до меня. Когда проверились впервые – у меня уже было минус три с половиной. Мама не верила во врачей. Она пригласила ко мне методиста, который занимался улучшением зрения по Бейтсу. Два раза в неделю с ним, остальные дни – одна, я по часу делала упражнения. Вращение глазами по часовой стрелке и против, отдых в темноте, под сложенными на носу горкой ладошками, вглядывание вдаль, пристальное наблюдение солнца, до слез. Методист нарисовал для меня большую таблицу с буквами и запретил носить темные очки. От лучей не надо защищаться, совсем наоборот! За год мы добились прогресса, я повысила отметку на единицу: до минус двух с половиной. Методист гордился. Но прогресс не успевал за стремительным обвалом моего зрения. Ахиллес никогда не догонит черепаху. Упражнения для глаз давали легкое сопротивление, но не останавливали процесс. Вскоре у меня было минус шесть, а затем и минус восемь. Увидев, что я слепну, мама согласилась на операцию.

* * *

– Агния, вы лев? Женщинам-Львам идет красный.

Я слушаю Веру, с головой завернувшись в одеяло, пряча опухшие лысые веки. Речь обо мне. Женщина-Лев, женщина в красном.

– Да, я Лев. Родилась в августе.
– У меня есть красное платье. Я попрошу мужа принести. Правда, вы ниже меня ростом.
– Не нужно отдавать платье. Носите сами. Вы ведь тоже Лев.
– Агния, мне уж никогда не придется носить это платье. Посмотрите, я похожа на черепаху. Вы меня видите?
– Я вижу. Вы не похожи на черепаху. Вы красивая.
– Не смешите.
– Неужели муж не говорит вам, что вы красивая?

По напряжению в атмосфере я поняла, что собирается гроза в виде слез.

– Не плачьте, Вера.
– Я не хочу быть красивой.
– Но муж…
– Мне не нужен такой муж.
– Он любит вас. Навещает каждый день. Приносит разные фрукты.
– Он виноват, хочет, чтобы я его простила.
– Вы не простите?
– Нет. Я хочу жить одна с котом.

Речь зашла про кота, Вера всхлипнула, струна в горле пережалась, и Вера затараторила сдавленно, будто на вдохе.

– Если бы я могла жить одна, но я же ничего не вижу! Я чуть не отрезала коту хвост! – Вера заливается слезами.

Она нащупала вязание и нервно распускает плетение. Мне кажется, она вот-вот сломает пластиковые спицы.

– Как так получилось, с хвостом?

Мама не верила во врачей. Она пригласила ко мне методиста, который занимался улучшением зрения по Бейтсу.

– Решила его постричь. Но ведь накануне муж пришел и рассказал мне об этой! – В слове «этой» прозвучал мучительный стыд.
– О женщине? Что же он, сказал, что влюбился? Что уходит?

Мне интересно, как расстаются мужчина и женщина. О разводе родителей я знаю лишь условности – «не сошлись характерами». Была ли там замешана новая папина любовь, я не знала.

– Я прогоняю, он не уходит. Я хожу в халате, он не уходит. Перестала стричься в парикмахерской. Говорю – видишь, я слепая! Агния, я хрясь ножницами, а он так закричал, знаете, и сиганул, как пружина! Чувствую, у меня руки мокрые, кровь, понимаете?

Я с трудом поняла, что речь перескочила с мужа на кота, который, видимо, волнует Веру намного больше.

– И обида такая в голосе! Предательница… Можно так сказать про животное – в голосе?
– Вам сделают операцию, и все станет лучше! Вы и сейчас немного видите. Вы не слепая, Вера.
– Он переспал с другой, потому что я слепая.
– Нет, Вера, дело не в этом!
– Откуда вам знать, в чем дело, вам всего пятнадцать.

Вера задребезжала голосом, давая понять, что больше не контролирует свои эмоции. Дождь слез просыпался. Тревога последних дней вылилась в короткую облегчающую истерику.

– Свиридов говорит, вы очень красивая женщина.

Вера растерянно замолчала.

– Он так говорит?
– Думаю, ваш муж признался вам, потому что хотел быть честным.
– Он так и сказал.

Наверное, Вера была откровенна со мной, потому что боялась операции.

– Говорит, что любит меня, а эта женщина – случайность. Мы плакали вместе. А потом я чуть не отрезала коту хвост.

На нас вдруг зашикали бабки с других кроватей. Мы углубились в ночь в наших беседах, не заметив интересов окружающих. После десяти в палате отбой. К счастью, никто не вмешался в разговор. Для соседей по палате мы странные: женщина средних лет и девушка-подросток. Обе полуслепые, поддерживаем друг друга под руки, церемонимся, не переходим на ты. Впрочем, я вижу намного лучше Веры.

* * *

Мама принесла немного новых вещей, я попросила. Сама она не понимает, зачем разнообразие в одежде. У меня очень мало одежды, которую я выбираю сама. Ношу то, что отдают мамины подруги от подросших дочерей. Иногда попадаются действительно классные шмотки – с золотыми бусинами или кружевами. Но везет редко. Чаще одежда «с барского плеча» мне совершенно не подходит – унылые черные и зеленые цвета. Сейчас я попросила принести красную майку. В тоскливом интерьере больницы так хочется ярких пятен!

На кофточке с надписью Brazil болтается ценник. Синтетическая ткань разъезжается под пальцами: дешевая ерунда из лавочки в переходе.

– Нам нужно экономить, – торопливо оправдывается мама, поймав мой расстроенный взгляд. – Доктора надо отблагодарить.

Я ошарашена.

– Он хочет взятку?

Мама шикает на меня. Нас могут услышать – например, медсестра или болтливый сосед. В палате никого – все ушли смотреть телевизор. Он тут в холле, включают его по часам. Заключенные больницы смотрят мексиканский сериал или новости, ссорятся из-за выбора кнопки. Мрак.

– Это лучший хирург в стране. Если хочешь быстро попасть в очередь, нужна благодарность.
– И сколько это?
– Тебе не нужно знать. Нам это несложно.

Мы, действительно, можем себе позволить домработницу, отдых у моря, мою элитную математическую школу. Я горько вздыхаю – майка с надписью Brazil ужасная. У мамы совершенно нет вкуса, а экономия не позволяет купить хорошую вещь случайно.

* * *

– Ваша близорукость – от потери отца. Вы сильный человек, но у вас уязвимое место. – Вера машет рукой, мол, знакомая история. – Нарушение аспекта Сатурна.

– Вы астролог?
– Нет, просто увлекаюсь.

Вера вяжет фигурный носок, не глядя на спицы. Я различаю предметы на расстоянии полусогнутой руки, а Вера, наверное, может видеть только пальцы у носа. Однако тонкие пальцы ловко ходят, перехватывая нити, искусно поддевая петли. Это не Вера вяжет носок, носок сам вяжется ее руками.
– Как давно ваши родители развелись?
– Мне было восемь.
– А когда зрение начало падать?
– Честно говоря, не знаю. Меня впервые отвели к окулисту в девять лет, и сразу обнаружилось минус три с половиной.

Вера хмыкнула и покивала. Я чувствовала стыд, привыкла, что маму осуждают врачи. «Вы что, не замечали, что ребенок щурится?» Да, у мамы не было времени следить за моим здоровьем, она работала. Но Вера думала о чем-то другом.
– Вы общаетесь с отцом?
– Нет, он пропал. Даже не знаю, где он живет.
– А лицо его помните?
– У меня есть фотографии. Хорошо, что мы не похожи! Он толстый. Мама о нем не вспоминает.
– Знаете, Агния, я думаю, мы не хотим видеть такой мир. В котором все это возможно.

Вера глубоко вздохнула и положила вязание на колени.
– Может быть, дело все-таки в Сатурне?

* * *

Медсестра приглашает внутрь: темный кабинет занимают крупные белые станки, аппараты для изучения глаза. Час назад мне закапали в глаза горькое лекарство, и даже при электрическом свете приходится надевать темные очки, настолько чувствительным к свету становился взгляд. Я кладу голову в пластиковую выемку, давлю лбом, чтобы зафиксировать череп. Глаз сам, помимо воли, фокусируется на картинке, изображающей одинокий парус. Аппарат с неуловимым запозданием наводит резкость. Врач – женщина за столом – заносит снятые данные в карту. Медсестра водит от одного станка к другому, как в парке аттракционов. Путь кончается у столика, где женщина-врач старинным методом изучает мое глазное дно. Надевает лупу и светит в глаз фонариком. Под грубоватые команды «вверх, влево!», «вниз!», «я сказала, вниз!» то опускаю, то поднимаю взгляд. Текут слезы. Насилие превращает меня из человека, который смотрит на мир и видит, в кусок беспомощной плоти с показателями. Глазное яблоко трепещет под чужими давящими пальцами. Мне больно. Глазное яблоко – круглый шар в моей голове, покрытый слизью, насыщенный сосудами. Сосуды то и дело лопаются, делая белки мутными и розовыми. Яблоки вышли из-под контроля: безмерно увеличиваются, ослепляя меня. Я пытаюсь себе представить, как они разбухают внутри черепа. Остановить их можно, только заключив в искусственные костыли-ограничители. К такой операции меня и готовят.

* * *

Лифты в больнице – сущее наказание. На них ездит персонал, возит железные тележки со страшными инструментами, прикрытыми тряпкой, или пустые инвалидные кресла; в лифтах всегда люди с испуганными лицами – посетители. Для доставки пациента на операцию отдельный лифт – грузовой. Скоро и меня повезут на громыхающих носилках на последний этаж – операционная там. Я не хочу ездить на лифте. Поэтому я использую лестницы. Там пусто – больничным заключенным не приходит в голову перемещаться своими ногами. Мы все здесь похожи на роботов, забытых хозяином.

Горькие капли стекают у носа – салфетку я, как всегда, постеснялась попросить. Неуклюже вытираю влагу плечом в майке. Пролетом ниже вижу Веру, она в красном платье, в накинутом мужском пуховике. Беседуют: он ниже ростом, широко расставленные ноги борца, кроткий взгляд голубых глаз.
– Не приходи. На апельсины твои у меня аллергия. – Вера держится с большим достоинством. Никто бы не подумал, что она слепа.
– Я буду приходить. Разреши мне, Вера.
– Не трать время. Займись тем, что тебе интересно. – Вера явно имеет в виду что-то конкретное под этим «интересным». Она разволновалась и уперлась рукой в подоконник.

Я затаилась наверху. Я не подслушиваю, нет. Просто не хочется смущать Веру.
– Мне только ты интересная.
– Вот как. – Вера явно не верит, холодно отворачивается.

Мужик мнется с пакетом апельсинов, боясь подойти ближе. На нем спортивные штаны с блеском. Никогда бы не подумала, что они с аристократичной Верой – муж и жена.
– Что с котом? – Неожиданно у Веры вздрагивает голос.

– Здоровый. Показал ветеринару. Заживет всё. Кот Бегемот! – пошутил мужчина, обнажив в наивной улыбке кривые зубы. Неужели он читал Булгакова?

Вера с облегчением подхихикнула.

Вера была совсем другой с мужем – не такой хрупкой, какой знала ее я. С этим парнем, похожим на гангстера, она была королевой. И эта гордая роль была для нее интимной: не для чужих глаз.

* * *

В кабинете Свиридова открывается отличный вид из окна. Индастриал в снегу с высоты пятнадцатого этажа. Фиолетово-оранжевый закат. Снаружи толпятся старушки с прикрепленными пластырями повязками на глазах и прочие просители. Свиридов – один из лучших хирургов. К нему едут издалека, чаще всего напрасно. Для наиболее агрессивных ходоков он находит пару слов, останавливающих на подлете. Нестандартное мышление Человека Возрождения делает ход навстречу ригидному мышлению робота с двумя ходами – мозгу обычной старушки; и робот зависает.

– Александр Николаевич! У меня в глазу что-то колется…
– Я вас прооперировал месяц назад?
– Да.
– Вы видите?
– Да…
– Я сделал для вас все, что мог.

Поймав паузу, Свиридов спокойным шагом проходит в кабинет. Внутри же царит атмосфера слегка холостяцкая. Деревянный резной глобус, бар за скрытой дверцей.

Ко мне Свиридов расположен. Его взгляд становится теплее, останавливаясь на мне.

– Думаю, вы готовы к операции. Но я еще хотел с вами поговорить.

Свиридов достал бутылку дорогого на вид виски и плеснул на дно стакана из толстого стекла, где-то на треть пальца.

– Мой рабочий день закончен, у меня теперь только консультации, – пояснил он про выпивку, мне было все равно.
– У меня отрастут ресницы?
– Конечно, Агния. Не беспокойтесь. Красота вернется. Кроме того, мужчинам не так важна красота, как вы думаете. Интересный разговор важнее.

Я пожала плечами. Лучше бы ресницы отросли.

Глотнув, Свиридов откинулся в кресле. Он похож на индейского вождя – смуглый, в глубоких морщинах. Шестьдесят лет: спина прямая, движения режут воздух коротко и уверенно. В нем чувствуется хищник – возможно, он возьмет дикого зверя голыми руками.

– Какое-то время после операции вы не будете видеть, мы снимем повязки не сразу. Белки глаз будут в крови – это тоже пройдет.

На железный карниз за окном сел голубь и постукивает клювом по стеклу, выразительно глядя на меня черными бусинками. Я вижу каждое перышко, переливающееся голубым и зеленым. Счастливчик оказался в зоне моего зрения – зона невелика, только для самых близких.

– Главное, что после операции вам нельзя будет рожать самостоятельно.
– Как, нельзя иметь детей?
– Можно, но только через кесарево сечение. Знаете, что такое кесарево сечение?
– Богу богово, а кесарю – кесарево.

Свиридов усмехнулся.

– Такая операция может повлечь другие трудности, с кормлением, с иммунитетом ребенка. Вы должны это знать. Для вас главное выносить.
– Меня это не волнует. Я даже не целовалась ни разу.

Свиридов захохотал раскатистым басом, как оперный артист. Заблестели глаза, но миг веселья быстро закончился. Встряхнувшись, он вернулся к серьезному тону.

– Я хотел сказать, что выбор делать или не делать операцию у вас не стоит. Миопия будет расти. Но я слышал, некоторым упорным людям удается поднять себе зрение упражнениями.

Мне совсем не хотелось рассказывать Свиридову про методиста и наши упражнения. А может, он знал от мамы и посмеивался надо мной.

Голубь продолжал флиртовать со мной, курлыкая и постукивая в стекло.

– Вера не сделала такую операцию вовремя?
– Какая Вера? А, ваша соседка по палате?

Свиридов задумался. Он почти допил виски, мышцы расслабились – готовый к прыжку индеец растекся по креслу.

– Вера красивая женщина. Но она не хочет быть здоровой.
– У нее проблемы с мужем.
– Она и про это вам рассказала? Впрочем, не сердитесь, она не видит, что вам пятнадцать, она почти слепа.
– Вера все чувствует. – Я изобразила, как она слушает, наклонив голову набок и поправляя челку.
– И это тоже правда. – Свиридов улыбнулся. – Некоторые женщины выбирают быть несчастными.

Это мама. Только мама может взять за руку так, что по руке потекут силы. Ко мне приходит новость: «я живу!».

Хирург и заведующий отделением микрохирургии глаза убрал следы преступления в ящики стола.

– Александр Николаевич! – Кто-то снова постучал и заглянул в дверь.
– Я занят! – Хирург кивнул мне в знак того, что разговор окончен.

Мне показалось, или он пытался отговорить меня от операции?

* * *

Я прихожу в себя от громкого чириканья. Птицы гомонят за окном. Наверное, там, откуда льется мутный белый свет, и есть окно. Глаза, однажды открывшись, с трудом закрываются – веки оклеены липким, голова забинтована. Туман. Вместе с острой резью в глазах я чувствую, как меня взяли за руку. Это мама. Только мама может взять за руку так, что по руке потекут силы. Ко мне приходит новость: «я живу!».

– Доча, я почитаю тебе книгу. Попить хочешь? На свет не смотри, а то заболит голова. Пойдем, я помогу тебе сходить в туалет. Обопрись на меня, вот так.

Голова, действительно, как чугунная, в глазах страшно режет при моргании. Маму я не вижу, но ее голос и родной запах успокаивает.

– Тебе звонил одноклассник.
– Какой одноклассник?
– Прости, я не запомнила, как его зовут. Он хочет навестить тебя. Я подумала, ты обрадуешься. Ты утверждала, что у тебя нет друзей!
– Я плохо выгляжу?

Пауза выдает, что мама улыбается и подбирает ответ.

– Веки немного красные. Но это пройдет, не волнуйся.
– Купи мне темные очки. С диоптриями.
– Договорились.

Представляю, что она купит. Хотя разве мама может принести что-то плохое? Любая ерунда будет пропитана ею. «Встань и иди», – шепчет каждый предмет от нее.

* * *

– Как вы себя чувствуете? – Свиридов щелкает перед моим носом пальцами. Меня это раздражает. Наверное, реакция ему о многом говорит. – Операция прошла хорошо, вы быстро восстанавливаетесь. Боль сильная?
– Где Вера? Мне тяжело молчать весь день. Не могу читать, не могу смотреть телевизор. В палате никого. Я лежу как мумия.

Слезы потекли через уголки глаз на уши. Касаться глаз пальцами мне запрещено. Щекотно.

– Потерпите. Веру выписали, пока вы спали. Она просила передать вам красное платье, я отдал вашей маме. Вот поправитесь, побежите в нем на бал.
– Как выписали? Ведь у нее операция?
– Она отказалась от операции.
– Как отказалась? Но ведь она ослепнет?
– Это ее решение. Возможно, правильное. Шансы все равно были маленькие, я ее предупредил.
– Она вернулась домой?
– Да, ее забрал муж.
– Но ведь у них проблемы?
– Агния, в отношениях мужчины и женщины все сложнее, чем вы думаете.

Ко мне подошла медсестра и вытерла слезы салфеткой.

* * *

– Где тут можно покурить? – Максим солидным движением достает из школьного рюкзака розовую коробку «Собрания». В ней – зеленые, желтые и голубые сигареты, как радуга.
– Только на улице.
– Тебе можно на улицу?
– Нельзя.

Оглядываюсь: у процедурного кабинета ни одной медсестры. В душную палату не хочется возвращаться.

– У меня верхней одежды нет. Забрали, когда я поступила.

Мой видок – спортивные штаны, красная футболка Brazil и резиновые тапочки. Я в темных очках для маскировки, их то и дело приходится приспускать, чтобы хоть что-нибудь увидеть. Удивитель-

но, но рядом с Максимом я ощущаю себя красивой, несмотря на лысые опухшие веки, налитые кровью глаза и весь этот look.

– Я дам тебе свое пальто. – Максим подмигивает и направляется мимо лифтов к лестнице, крутя на пальце зеленым пластиковым номерком из гардероба. Он тоже предпочитает лестницы.
– А ты не замерзнешь?

Максим, не ответив, усмехается. Умный троечник, подающий остроты с задней парты. Большой нос, торопливая речь. Подруги нет, в любовных связях с параллельными классами не замечен. Наверное, пришел сюда из человеколюбия, из жалости ко мне.

Весна уже раскачалась вовсю. Снег стаял, обнажив грязную наледь с черными прогалинами, полными окурков. Над больницей радостно носится стая голубей, выписывая пируэты. Среди них и мой дружочек с глазами-бусинками. Мне совсем не холодно, от свежего воздуха с непривычки кружится голова. Тело пьет этот воздух, как воду.

– Чертовы собачники! – Максим сердито вытирает о рыхлый сугроб испачканную кроссовку. – Почему не запретят выгул у больницы?!

Мы заходим за угол, скрывшись от толпы врачей-курильщиков на крыльце. Я боюсь, что мой побег обнаружат. В скверике мы облюбовали лавку. Максим нашел мокрую картонку и подстелил мне под ноги – я села на спинку прямо с ногами. От накинутого на плечи пальто крепко пахнет мужским парфюмом. На солнце я замечаю, что Максим только что постригся – волосы над ушами топорщатся, не привыкнув еще к новой форме. Видимо, он тщательно готовился к встрече. Как выгляжу я сама, страшно даже думать, и я не думаю, наслаждаясь волей, сладким воздухом, тем, что ко мне приехал в гости мальчик.

– Когда у тебя пройдет? – Щурясь, Максим мазнул рукой перед лицом, где-то в области глаз.
– Говорят, через месяц.
– Ты не будешь носить очки?
– Буду. Мне остановили падение зрения, но близорукость осталась.

Максим понимающе покивал, как будто знал, о чем речь. Закашлялся. Он курил уже вторую разноцветную сигарету, стараясь не дымить на меня.

– Я, кстати, хотел спросить. – Уши у Максима покраснели, он отвернулся, как бы наблюдая фигуру прохожего. – А тебе очки целоваться не мешают?

Фигура в капюшоне приблизилась. К моему ужасу, это Свиридов, в гражданской одежде. Энергичный шаг замедлился у нашей лавочки; я боюсь и шелохнуться. Свиридов окинул всю композицию хитрым взглядом и прошел мимо.

Максим инстинктивно улавливает, что нас застукали, и растерянно следит за моей реакцией. Виноват?

Я жду, что меня будут ругать: глаза после операции беззащитны перед инфекциями. В конце концов, я могу простыть на обманчивом весеннем солнце и запороть восстановление.

– Агния, вы идете на поправку! – услышали мы возглас. – Я доволен! – Свиридов развернулся на носках туфель и продолжил движение по заданной траектории, насвистывая.

Обычный мужик с рябым полиэтиленовым пакетом под мышкой, каких на улице миллион.

Декабрь 2019 – январь 2020 года